

Фэнлин

Мэн Цзыинь

Су Ю

Таньюань

Керамический смотр Юйфэна

Черный керамический кубок на высокой ножке в античном стиле

Двухцветный чайник-поросенок

Цай Чжанцю

Цай Сяовэнь

Глава 1. Ну и притворяйся дальше

Небо было безоблачным, солнце заливало город — выдался погожий денек. Однако в этом северном городке даже в самый ясный зимний день к вечеру теплее не становилось. Цай Сяовэнь предавалась глубоким раздумьям о том, почему за десять с лишним лет жизни здесь она до сих пор не научилась предугадывать перепады температур между днем и ночью. Ватник, в который она была закутана, оказался маловат, отчего девушка выглядела как пухлый сверток. Темно-зеленая стеганая куртка с крупными алыми цветами смотрелась весьма празднично. Если бы не ожесточенное выражение лица Сяовэнь, она была бы вылитой молодой невесткой, приехавшей навестить родительский дом. Жаль только, что даже этот тесный ватник не был ее собственным — она отобрала его у служанки Таньюань. Утром, когда Сяовэнь приседала в мабу во дворе, солнце так приятно пригревало спину, что она, разгорячившись, сменила одежду на более легкую. Кто же знал, что сегодня такой важный день и вернуться домой до сумерек не удастся? Солнце уже клонилось к закату, поднялся ветер, и стало по-настоящему холодно. Сяовэнь пыталась держаться стойко, стиснув зубы, но от этой борьбы у нее разболелась челюсть. В итоге она все же заставила Таньюань бежать домой за теплой одеждой, а сама осталась дожидаться на ветру, притопывая ногами. Ее круглые щеки покраснели от мороза, словно две порции румян, которые в спешке забыли как следует растушевать.

Прикрывая лицо рукой, Сяовэнь украдкой наблюдала за Су Ю, которая сидела неподалеку в плетеном кресле и невозмутимо пила чай. Увидев на сопернице толстый белый халат с широкими рукавами, отороченный густым мехом белого кролика, Сяовэнь почувствовала, что замерзла еще сильнее. Ей безумно хотелось уткнуться лицом в этот пушистый воротник, чтобы хоть немного согреть озябшие щеки.

Су Ю поставила чашку, и в этот момент у нее в животе раздалось тихое урчание. Она поспешно огляделась по сторонам, переводя взгляд. Подняв голову, она снова увидела табличку над помостом: Керамический смотр Юйфэна. Юйфэн — название города. Хотя город и назывался Нефритовой вершиной, здесь не добывали ни единого кусочка нефрита, да и гор высоких не было. Зато славился он кое-чем другим — керамикой. Юйфэн был знаменитым

центром гончарного дела, и обилие частных мастерских делало его уникальным во всей стране. Стоило на керамике появиться клейму Юйфэна, как это становилось гарантией качества. А среди мастеров, собравшихся в городе, выделялись две семьи. Первая — семья Су с севера города, вторая — семья Цай, тоже с севера. Они жили всего через две улицы друг от друга, фактически будучи соседями. Ирония заключалась в том, что, хотя отец Сяовэнь, мастер Цай, и мать Су Ю, госпожа Су, были учениками одного учителя, они почти не общались, что заставляло окружающих лишь догадываться о накале их соперничества.

Су Ю погладила сверток, лежавший на столе рядом, и прислушалась к разговору своего старшего соученика Мэн Цзыиня, который любезничал с кем-то в толпе:

— Господин Мэн, вы здесь! Видел, многие ваши работы победили, поздравляю!

— Да что вы. Разве я когда-нибудь всерьез участвовал в смотре? Просто за компанию. Все внимание — моим младшим соученицам!

Смотр керамики был ежегодным состязанием гончаров Юйфэна, которое проводилось на помосте перед храмом Земли. Сюда съезжались мастера не только из города, но и из самых дальних краев. Работы оценивались по девяти разрядам, в зависимости от качества и цены. Три уважаемых эксперта выбирали самые изящные и практичные изделия, которые затем поставлялись чиновникам и богатым купцам в течение года. Для мастера победа означала не только славу, но и реальные деньги. Проигравшие же обязаны были тут же разбить свои изделия, признавая поражение. Репутация домов Су и Цай ковалась годами в этой безжалостной борьбе. Теперь, когда мастера Цай и госпожа Су состарились, их наследникам предстояло выйти на арену.

Су Ю смотрела на груды черепков, разбросанные по земле, и мысленно согласилась с Мэн Цзыинем: в этом году достойных работ немного, и исход решится в споре между ней и Сяовэнь. Она невозмутимо бросила взгляд на соперницу, которая от холода прыгала на месте, и не сдержала легкой улыбки. Су Ю поспешно прикрыла рот рукой, а когда опустила ее, выражение лица вновь стало спокойным, как гладь озера.

Наконец наступил финал девятого, последнего разряда. Претендентов было немного. После того как четверо мастеров представили свои работы, Цай Сяовэнь, дрожа от холода, развернула сверток и объявила судьям:

— Двухцветный... апчхи! Двухцветный чайник-поросенок!

Тело чайника в форме забавного поросенка, уши служили носиком и крышкой. Самое интересное было в том, что при наклоне вода лилась через ноздри поросенка.

— Хм... цвет насыщенный, глина очень тонкой выделки, гладкая и блестящая! Хотя форма... чересчур оригинальна. Но это достойная работа, лучшая на данный момент.

Услышав это, четверо гончаров покачали головами, взяли свои изделия и с грохотом разбили их о помост. На столе остался только чайник Сяовэнь. Все взоры обратились к наследнице дома Су.

Су Ю встала с кресла и взяла сверток, который до этого не открывала. В этот момент подул ветер, разметав ее длинные волосы, которые затанцевали в такт широким рукавам. Кто-то из толпы замер, завороженный зрелищем; если бы в руках у нее была флейта, она выглядела бы как небожительница. В этом году Су Ю не участвовала в первых восьми разрядах, придя лишь ради девятого. Она положила сверток перед экспертами и развязала узел. Показалось черное как смоль керамическое изделие.

— Черный керамический кубок на высокой ножке в античном стиле!

Глаза экспертов загорелись. Они склонились для осмотра, приговаривая:

— Тончайшая резьба, стоит на одной ножке, основание полое, а кубок при всей своей высоте очень устойчив. Почти точная копия античных кубков... но чернее и блестящее.

Они коснулись кубка пальцами, но вдруг нахмурились:

— Однако сама глина... грубовата. Не такая тонкая, как у поросенка Сяовэнь.

Услышав это, Сяовэнь, до этого пребывавшая в полузабытии от холода, встрепенулась. Она хлопала себя по онемевшим щекам, и внутри нее зародилось волнение: она никогда не побеждала Су Ю, неужели... неужели... Ой, так и подмывает рассмеяться... нет, надо сдержаться!

Пока Сяовэнь зажимала рот руками, пытаясь подавить радость, Су Ю невозмутимо достала из-за пояса маленький медный молоточек. Она наклонилась и слегка ударила по внешней стороне кубка. Черная керамическая оболочка треснула и распалась на десяток осколков.

— Э?! — Сяовэнь не выдержала и вскрикнула.

Су Ю сняла тонкие черепки, словно очищая орех, и под ними показался новый черный кубок. Его цвет был еще насыщеннее и ярче!

— То, что вы видели раньше, было защитной оболочкой. А это — настоящий античный кубок. Прошу, оцените снова.

Эксперты восхищенно зацокали языками, еще раз ощупали кубок и решительно заявили:

— Тонкая работа! Изящная и благородная! Надо же, сумела обжечь двойной слой, чтобы отполировать внутренний... Это шедевр! Победитель девятого разряда в этом году — Су Ю с ее античным кубком!

Под изумленные возгласы толпы Су Ю поклонилась экспертам, затем повернулась к Сяовэнь, которая от горя даже забыла притопывать ногами, и, сложив руки в приветственном жесте, улыбнулась:

— Младшая соученица Сяовэнь, признавайся в поражении.

Сяовэнь поджала губы, взяла своего поросенка, с тоской посмотрела на него в последний раз и со злостью разбила о помост.

— Эх! Почему я снова проиграла! Три года подряд проигрываю!

Эксперты, видя ее разочарование, решили подбодрить девушку:

— У твоего поросенка отличная глина. Стоит лишь немного поработать над формой. Есть уверенность в следующем годе?

Они ожидали, что Сяовэнь вскинет кулак и крикнет Да!, чтобы закончить смотр на радостной ноте и отправиться на банкет в ресторан Ванхулоу. Но Сяовэнь лишь с грустью указала на осколки:

— Мне жаль поросенка...

— Пфф... — Су Ю поспешно отвернулась, превращая смешок в кашель: — Кхе-кхе, кхе-кхе-кхе...

Смотр, длившийся четыре часа, наконец завершился. Солнце бросило последние золотые лучи. Закат осветил Су Ю, словно покрыв ее золотой глазурью. Она прошла мимо толпы, прижимая кубок к себе, и многие юноши провожали ее взглядами. С нежной улыбкой она свернула в переулок. Как только ее волосы скрылись из виду, она тут же схватила кубок за ножку, крутанула его, зажала под мышкой и, приподняв подол, быстро зашагала прочь. Навстречу ей бежала девушка, что-то прижимая к груди.

— Фэнлин! Фэнлин! Наконец-то... я сейчас умру от голода!

Девушка по имени Фэнлин, с двумя хвостиками и миловидным лицом, остановилась у стены переуллка, тяжело дыша:

— Я... я... так далеко бегала... чтобы купить. Все... все на смотре, никто не торгует! — Она протянула Су Ю бумажный сверток. — Вот... булочки...

— Булочки! — Су Ю сунула кубок Фэнлин, разорвала бумагу и тут же запихнула булочку в рот. Горячая круглая булочка исчезла в одно мгновение. Су Ю взяла вторую, откусила, прожевала и с облегчением выдохнула: — Фух... ожила. Я чуть не сказала, что не буду участвовать! Живот так урчал, боялась, кто-нибудь услышит... — Она взяла третью булочку.

Фэнлин, наконец отдышавшись, рассмеялась:

— Да даже если бы слышали, никто бы не подумал на вас. Кто бы мог подумать, что благопристойная госпожа Су — такая обжора... Эй, госпожа, медленнее, подавитесь же! Ну как, первое место?

— Угу! — Су Ю продолжала жадно есть, стараясь говорить между укусами: — Первое место — это неважно. Самое забавное — это Цай Сяовэнь... Ты бы видела ее ватник... как вспомню, смешно... она сегодня...

— Старшая соученица. — Раздался холодный голос за спиной.

Су Ю вздрогнула, бросила остатки булочки обратно в сверток, скомкала его и сунула Фэнлин. Затем она обернулась и улыбнулась Цай Сяовэнь. Но... половинка булочки, которая была во рту, застряла в горле. Она действительно подавилась!

Рядом с Сяовэнь стояла служанка Танъюань, уже переодевшаяся в свой ватник. Сама Сяовэнь тоже сменила одежду на желтый халат, в котором выглядела очень статной. Видя, что Су Ю стоит и лишь загадочно улыбается, не проронив ни слова, Сяовэнь начала накручивать себя: Она снова меня победила, презирает? Даже не хочет со мной разговаривать? Даже не хочет называть младшей соученицей? Почему она улыбается при виде меня? Что это за улыбка? Презрение? Насмешка? Или все вместе?

Су Ю была ни в чем не виновата. Все то время, пока Сяовэнь предавалась мрачным мыслям, она лишь отчаянно пыталась проглотить кусок теста.

— Фух... — наконец справившись, Су Ю улыбнулась: — Здравствуй, Сяо-Вэнь!

— Кто это Сяо-Вэнь! — Сяовэнь, чьи размышления были прерваны, вернулась в реальность и сердито приказала Танъюань: — Танъюань, уходим!

Танъюань, круглолицая служанка, скорчила рожу Фэнлин и кивнула:

— Угу!

— Идем покупать баранину, вечером будем варить суп!

— Угу! — Она снова показала язык Фэнлин и поспешила за хозяйкой.

— Бараний суп... — Су Ю смотрела вслед Сяовэнь. — Я бы тоже поела.

— А чего вы не хотите? — невзначай заметила Фэнлин, но тут же попала под горячую руку.

— Ты купила булочки, а мясных нет. Я только сейчас поняла, что они с соленьями!

Фэнлин дернула щекой:

— Вы съели три штуки и только сейчас поняли? Я так спешила вас накормить, что не смотрела, с чем они!

— Все из-за тебя, ты заставила меня подавиться!

— Не буду с вами разговаривать! — Фэнлин прижала сверток к себе, но Су Ю тут же его выхватила.

— Эх... — Су Ю откусила булочку с соленьями и вздохнула: — Бараний суп в исполнении Сяо-Вэнь... я бы не отказалась...

Глава 2. Хочешь — так и думай

Наступила полная темнота. Мастер Цай, довольный, что выиграл пол-связки монет в маджонг и принес бутылку вина, вернулся домой. Но когда он сел за стол в предвкушении сытного

ужина, у него пропало всякое желание даже притрагиваться к палочкам.

Сяовэнь приготовила на ужин булочки с луком-пореем и тофу с зеленым луком. Все это росло прямо у них во дворе. В доме была небольшая мастерская, где печи почти не гасли, и в одной из комнат Сяовэнь выращивала зелень в горшках, чтобы не питаться всю зиму одной редькой и картошкой. Сегодняшний ужин был прост и незатейлив. А про бараний суп... это были лишь мечты.

Мастер Цай взял булочку и с тоской посмотрел на тофу. Его звали Цай Чжанцю, он был учеником великого мастера из Исина и соучеником матери Су Ю. Десять лет назад он приехал в Юйфэн, открыл мастерскую, женился и в одиночку прославил дом Цай... а еще произвел на свет дочь Сяовэнь. Жена давно скончалась, и теперь он полностью зависел от заботы дочери.

— Почему так пусто? Где мясо? Где мясо? Где мясо? — Мастер Цай разломил булочку, но внутри был только лук.

Сяовэнь вяло жевала тофу:

— Как ты можешь думать о жирном мясе в такой момент? Не понимаю.

Мастер Цай смиренно откусил булочку. Впрочем, вкус был неплох.

— А чего мне не думать? Это ты проиграла, а не я. Вэнь, я сегодня выиграл деньги!

— Правда? Какая редкость... Реже, чем моя победа в девятом разряде...

— Почему это реже? Я каждый месяц выигрываю по пять-шесть раз, а ты ни разу не побеждала в девятом разряде. Трижды проиграла Су Ю, — мастер Цай с гордостью отправил тофу в рот.

— Папа... ты можешь иногда не быть таким прямолинейным? Я начинаю сомневаться, родная ли я тебе дочь...

Мастер Цай рассмеялся и протянул бутылку Таньюань:

— Таньюань, садись тоже, налей мне вина.

Таньюань приняла бутылку и налила вино в двухцветный чайник-поросенок. Мастер Цай поднял его, чтобы налить себе, но вдруг замер.

— Слушай... может, сменишь этот чайник? Мне все время кажется, что вино льется из носа поросенка, как сопля!

Сяовэнь уткнулась лицом в стол:

— Нет! Мне нравится этот чайник! — Сяовэнь родилась в год Свиньи и питала к ним слабость.

— Вообще-то, форма неплохая, — мастер Цай решил исполнить отцовский долг и осмотрел изделие. — Ты с этим участвовала в смотре?

— Было еще одно, получше, — глухо отозвалась Сяовэнь, лежа на руках. Она вспомнила, как

сама разбила любимый чайник, и у нее опустились руки.

— И кому ты проиграла?

— Черному кубку в античном стиле.

— О, тому самому... Что сказали мастера?

— Сказали, что форма поросенка слишком необычна. А главное, Су Ю обожгла двойной слой. Она разбила внешнюю оболочку прямо на глазах у всех. Это чувство... понимаешь, когда глаза загораются? — Сяовэнь сжала кулаки. — Я была поражена...

— Форма никогда не была главным, — строго сказал мастер Цай. — Это мастера из вежливости так сказали. Цвет и глина твоего поросенка наверняка уступают работе Су Ю.

— Хм! Я... — Сяовэнь хотела возразить, но, подумав, поняла, что отец прав. Она снова поникла. — Знаю...

— И еще, я тебе скажу. Мать Су Ю, эта старуха, мастер не в черной керамике, а в пурпурной глине. Су Ю с детства больше всего времени уделяла именно ей. Так что если она не выставила пурпурную глину, значит, у нее еще есть козыри в рукаве.

— Пурпурная глина! Я тоже ее люблю! Но... разве она не оригинальнее моего поросенка?

Мастер Цай отпил вина, прищурился и ответил:

— В Исине пурпурная глина уже пользуется огромным спросом. Если я не ошибаюсь, будущее за ней. Со временем она сможет соперничать даже с фарфором. Разве она не красивее черной керамики? Разве маленький чайник из пурпурной глины не практичнее кубка?

Услышав, что у любимого материала большое будущее, Сяовэнь воспрянула духом.

— Вэнь, вы с Су Ю соученицы. Хотя я и ссорюсь с ее матерью уже десять лет, вы должны поддерживать друг друга. Она твоя старшая соученица, учись у нее.

Сяовэнь положила палочки, запихнула в рот остатки булочки и, пробормотав:

— Я наелась, — вышла из комнаты.

— Эх... — Мастер Цай вздохнул, посмотрел на чайник-поросенка, налил себе вина и выпил залпом. — Молодежь не знает, насколько опасен мир, думая, что всего можно добиться в одиночку...

<http://bllate.org/book/18936/1855592>